

Николай Михайлович Карамзин

Странность

Николай Михайлович Карамзин

Странность

«...Француз, который жил долго в России и возвратился в свое отечество, публикует оттуда в московских газетах, что он близь Парижа завел пансион для русских молодых дворян, и приглашает родителей отправить к нему из России детей своих на воспитание, обещая учить их всему нужному, особливо же языку русскому! Живучи в уединении, я не знаю, что другие подумали о таком объявлении. Мне кажется оно более смешным, нежели досадным...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

#1	0005
Примечания	0012

**Николай Михайлович
Карамзин
Странность**

Французъ, которой жилъ долго въ Россіи и возвратился въ свое отечество, публикуетъ оттуда въ Московскихъ газетахъ[1], что онъ близъ Парижа завелъ пансіонъ для Рускихъ молодыхъ дворянъ, и приглашаетъ родителей отправить къ нему изъ Россіи дѣтей своихъ на воспитаніе, обѣщая учить ихъ всему нужному, особливо же языку Рускому! Живучи въ уединеніи, я не знаю, что другіе подумали о такомъ объявленіи. Мнѣ кажется оно болѣе смѣшнымъ, нежели досаднымъ: ибо я увѣренъ, что наши дворяне не захотятъ воспользоваться благосклоннымъ предложеніемъ господина Н. Н. Французы вѣтрены – были и будутъ! Снисходительной челоѡкъ во многомъ извиняетъ ихъ *легкомысліе*. Иначе какъ вздумать, чтобы родители въ отечествѣ нашемъ не имѣли способовъ воспитывать дѣтей, и могли безразсудно удалить ихъ отъ себя, забыть священный долгъ свой и ввѣрить судьбу юныхъ сердець чужому, неизвѣстному челоѡку? Мы готовы платить Французамъ, или другимъ иностранцамъ, за уроки въ ихъ языкахъ, которые нужны для благороднаго Россіянина и служатъ

ему средствомъ просвѣщенія: у насъ есть деньги, но у насъ есть и разумъ. Мы знаемъ первый и святѣйшій законъ Природы, что мать и отецъ должны образовать нравственность дѣтей своихъ, которая есть главная часть воспитанія; мы знаемъ, что всякой долженъ расти въ своемъ отечествѣ и заранѣе привыкать къ его климату, обычаямъ, характеру жителей, образу жизни и правленія; мы знаемъ, что въ одной Россіи можно сдѣлаться хорошимъ Рускимъ – а намъ, для государственнаго щастія, не надобно ни Французовъ, ни Англичанъ! Пусть въ нѣкоторыя лѣта молодой человекъ, уже приготовленный къ основательному разсужденію, ѣдетъ въ чужія земли узнать европейскіе народы, сравнятъ ихъ физическое и гражданское состояніе съ нашимъ, почувствовать даже и самое ихъ превосходство во многихъ отношеніяхъ! Я не боюсь за него: сердце юноши оставляетъ у насъ предметы нѣжнѣйшихъ чувствъ своихъ; оно будетъ стремиться къ намъ изъ отдаленія; подъ яснымъ небомъ южной Европы онъ скажетъ: *хорошо; но въ Россіи семейство мое, друзья, товарищи моего дѣтства!* Онъ будетъ

многому удивляться, многое хвалить, но не полюбить никакой страны болѣе отечества. Человѣкъ можетъ иногда ненавидѣть землю, въ которой онъ жилъ долго; но *всегда, всегда любитъ ту, въ которой воспитывался*: истина важная для отцевъ семейства, и понятная для всякаго разума! Впечатлѣнія юности составляютъ главную драгоцѣнность души; они всего для насъ милѣе, подобно какъ самой простой весенней цвѣтокъ радуется насъ болѣе пышной лѣтней розы. Мѣсто, которое напоминаетъ человѣку первыя дѣйствія сердца и разума его, будетъ для него пріятнѣйшимъ мѣстомъ въ свѣтѣ. Еслили отецъ пошлетъ десятилѣтняго сына своего на пять или на шесть лѣтъ въ чужую землю, то чужая земля будетъ для сына отечествомъ: она дастъ ему первыя моральныя, сильныя чувства, и сама Натура привяжетъ его къ ней милыми, неразрывными узами. Возрастъ отрока есть развитіе нравственности и души; отъ 10 до 15 лѣтъ рѣшится судьба нашей жизни и чувствительности.

Когда благоразумный человѣкъ надолго ѣдетъ въ какую нибудь землю, то онъ стара-

ется заранѣе узнать ея обычаи, и естли не дѣломъ, то хотя воображеніемъ привыкаетъ къ нимъ, зная, что непривычка къ образу мыслей и жизни тѣхъ людей, съ которыми намъ ежедневно быть должно, производитъ для насъ многія, существенныя непріятности. А сынъ мой, которому опредѣлено жить и умереть въ Россіи, поѣдетъ образовать душу свою во Францію? Ему надобно знать Рускихъ, съ которыми у него одно гражданское и моральное щастіе: а я пошлю его къ Французамъ? Положимъ, что всѣ Европейскіе народы съ нѣкотораго времени сближаются между собою характеромъ; но различіе все еще велико, и навсегда останется въ свойствахъ, обычаяхъ и нравахъ, происходящихъ отъ климата, образа правленія, судьбы нашихъ предковъ и другихъ причинъ, еще неизъясненныхъ Философами.

Господинъ N. N., учредитель Парижскаго пансіона, скажетъ намъ: «вы должны согласиться, что человѣкъ еще важнѣе гражданинъ: а человѣкъ можетъ лучше образоваться во Франціи, нежели въ Россіи.» Первое справедливо: на второе не согласимся. Мы уже,

слава Богу! не варвары; у насъ есть всѣ спосо-
бы просвѣщенія, какія только могутъ найтись
во Франціи; и тамъ и здѣсь учать одному, по
однимъ Авторамъ и книгамъ. Самый Фран-
цузской языкъ можно въ Петербургѣ или въ
Москвѣ узнать такъ же хорошо, какъ въ Па-
рижѣ; положимъ, что и не такъ хорошо: но
нѣкоторыя совершеннѣйшія его отгѣнки на-
граждають ли за моральный и политическій
вредъ чужестраннаго воспитанія? Природ-
ный языкъ для насъ важнѣе Французскаго, а
господинъ N. N., не смотря на свое милости-
вое обѣщаніе, не выучить дѣтей нашихъ въ
Парижѣ говорить такъ хорошо по Руски, какъ
они здѣсь выучатся. Питомцы его, черезъ 6
или 7 лѣтъ возвратясь въ Россію, стали бы
терзать слухъ нашъ варварскими своими
фразами; они сказали бы намъ: «мы *говоримъ*
языкъ свой, мы знаемъ Математики; мы
представляемъ наши постенія согражданамъ
[2]» – а сограждане назвали бы ихъ глупцами,
невѣждами, дурно-воспитанными людьми;
ибо кто не знаетъ своего природнаго языка,
тотъ конечно дурно воспитанъ, хотя бы
зналъ наизусть и всѣ книги Браминовъ; они

сказали бы симъ полу-Галламъ: «за чѣмъ вы къ намъ пріѣхали? за чѣмъ не остались во Франціи? Мы не признаемъ васъ земляками своими; вы недостойны называться Рускими, которые гордятся языкомъ Святослава, Владимира, Пожарскаго, ПЕТРА Великаго. Вы не имѣете отечества, ибо и самые Французы, не смотря на то, что вы прекрасно даете чувствовать нѣмое Е, не признаютъ васъ Французами!»... И добродушные родители, лишивъ себя неизъяснимаго удовольствія видѣть въ лицѣ и въ душѣ милыхъ дѣтей постепенное развитіе красоты физической и нравственной, вмѣсто благовоспитанныхъ людей увидѣли бы въ нихъ Французскихъ обезьянъ или попугаевъ, которые наименовали бы имъ всѣхъ Парижскихъ актеровъ, а не умѣли бы съ чувствомъ проинести священнаго имени Россіи, отца, матери и согражданъ!

Но я, подобно славному рыцарю Дон-Кихоту, сражаюсь съ вѣтренными мельницами, принимая ихъ за исполиновъ. Конечно никто изъ благоразумныхъ дворянъ Россійскихъ не подумаетъ отправить дѣтей своихъ въ пансіонъ къ господину N. N., надъ которымъ

безъ сомнѣнiя и самыя Французы смѣются.

О. О.

Примечания

Указатель къ **Вѣстнику Европы** 1802–1830
Составил *М. Полуденскій*

Странность (ч. 1, № 2, стр. 52–57), подписано О. О., статья Н. М. Карамзина, перепеч. въ П. С. С., изд. Смирдина, т. 3, стр. 606. Французъ, жившій долго въ Россіи, возвратясь въ свое отечество, объявляетъ, что завелъ близъ Парижа пансіонъ для русскихъ молодыхъ людей. Авторъ излагаетъ подробно свои замѣчанія о воспитаніи русскихъ за границею.

Примечания

Въ первыхъ нумерахъ Декабря мѣсяца.

[^^^]

Такія фразы слыхали мы отъ Рускихъ Французовъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ даже, что нашъ языкъ не имѣетъ правилъ. Нещастные!

[^^^]